

Что-то лязгнуло по фюзеляжу “Барисана” и Хокинс постарался не думать о космическом обломке, который пробивает корпус и отправляет всех пассажиров на тот свет. Он слышал немало ужасных историй о стремительных транс-атмосферных кораблях, не сумевших уклониться от орбитального мусора и мгновенно разорванных на части, и попытался выкинуть подобные мысли из головы. С пристёгнутыми ремнями безопасности и облачёнными в тяжёлую автономную броню Храмовниками ничего не случится. Они переживут разгерметизацию, но шестнадцать гвардейцев 71-го не будут столь удачливы.

Даже в неуклюжих костюмах для враждебной окружающей среды кадианцы оказались слишком маленькими для кресел “Громого ястреба” и чтобы во время полёта их не разбросало по отсеку экипажа, им пришлось держаться за тяжёлые переборки, поддерживающие стойки и свисавшие ремни безопасности. Сильное нейтронное излучение “Сперанцы” вызывало тряску, и у Хокинса задрожали зубы, когда очередная неконтролируемая гравитационная волна врезалась в борт.

Потоки гравиметрических полей, окружавшие ковчег, делали невозможной прямую стыковку с манифольдной станцией Валетте, и поэтому они путешествовали сквозь турбулентность на “Барисане” вместе с космическими десантниками Кул Гилада, архимагосом Котовым и преторианским отделением из пяти скитариев. Хотя для офицеров кадианцев было обычным делом сражаться в передних рядах, Хокинса удивило, что подобная командная этика оказалась не чужда Механикус.

Что-то лязгнуло вдоль борта “Громого ястреба” и Хокинс инстинктивно пригнулся, словно ожидая, что потолок отогнётся, как крышка консервной банки.

— Всё в порядке, капитан? — спросил Рей, который, казалось, искренне наслаждался происходящим.

— Чёрт, ненавижу воздушное десантирование, — ответил он. — Пусть элизианцы занимаются подобными глупостями. Лучше уж трястись в “Химере”.

— Да, сэр. Я напомню вам об этом в следующий раз, когда мы попадём под вражеский огонь в “Копье Зуры”. По мне лучше держаться подальше от опасности.

— Согласен, — сказал Хокинс, посмотрев на поцарапанный дисплей в передней части отсека. Потрескивающий экран передавал поступающие в кабину пикты и Хокинс увидел блестящую, покрытую льдом округлую форму приближавшейся манифольдной станции, множество выступавших металлических лонжеронов, простиравшихся, в том числе, и за пределы поля зрения пикта. Пилот заложил вираж, уклоняясь от особенно большого куска опалённого металла, и Хокинс крепче вцепился в подпорку. Звёздный свет вспыхнул на поверхности обломка, и капитан заметил какой-то нарисованный символ, ухмылявшуюся пасть с двумя огромными клыками, но металлический лист был уже далеко, прежде чем он смог понять, что это такое.

— Это...? — произнёс Рей.

— Думаю, да, — согласился Хокинс.

Массивный корпус манифольдной станции скользнул в сторону, и пилот сбросил скорость.

— Начинаем, — сказал Хокинс, когда сквозь фюзеляж донёлся скрежет металла о металл, это автоматический стыковочный захват пытался выровняться с бортом “Барисана”. Обстановка внутри десантно-штурмового корабля мгновенно изменилась. Секунду назад космические десантники сидели неподвижными статуями, а вот они уже на ногах и готовы к развёртыванию. Хокинс даже не заметил, как это произошло. Их броня была большой и громоздкой, и впечатление только усиливалось в полностью загруженном “Громовом ястребе”. Доспехи тихо гудели, и капитан почувствовал слабый запах озона и притирочного порошка.

Один из космических десантников посмотрел на него, гигантский воин с резным белым лавровым венком на шлеме. Хокинс быстро отдал честь. Храмовник помедлил, а затем коротко кивнул.

— Сражайся достойно, гвардеец, — сказал воин, неумело попытавшись поддержать дух товарищества.

— Только так и сражаются кадианцы, — ответил капитан, и в этот момент лампа над боковым люком “Громового ястреба” замигала предупреждающим оранжевым светом. — Стойте, вы ожидаете, что придётся сражаться?

— Чемпион Императора всегда ожидает, что придётся сражаться, — сказал Храмовник, ослабив ремни огромного меча на плече.

Шипящие струи выравнивающих давление газов вырвались из замков, и Хокинс почувствовал, как заложило уши, а раненое плечо заныло от металлических штифтов. Бронированная панель скользнула в сторону, представив его взору соединительный шлюз со стальным полом и ребристый пластфлексовый коридор. В конце виднелась обледеневшая дверь, с которой капала вода, в последний раз пребывавшая в жидком состоянии миллионы лет назад. Астартес направились к ней, следуя друг за другом, хотя шлюз был достаточно широк, чтобы они шли по трое в ряд. Они двигались короткими экономными шагами, болтеры свободно покоились на бёдрах.

Хокинс махнул рукой влево и вправо и прыгнул в шлюз, ощутив, как под ногами опасно закачался пол. Когда по нему шли космические десантники, он казался совершенно устойчивым. Крепко прижимая к плечу лазган, Хокинс двигался по коридору с отделением солдат, широко растянувшихся позади него по всему переходу.

Он приближался к двери, ощущая холод голой чёрной структуры манифольдной станции. Металлоконструкции были неровными, тут и там капитан замечал мелкие повреждения и струйки сжатого воздуха. Вход на станцию перекрывал широкий тамбур, а экранированный кожух скрывал большую клавиатуру и ряды входных портов. Кул Гилад собрался выбить дверь, но Котов предпочёл воспользоваться не столь силовыми методами.

Архимагос быстро миновал коридор, красная мантия неровно развивалась за его спиной. Тело автомата напоминало прекрасную скульптуру в тёмно-красном, словно ожившую статую из темплума, а стальная рука сжимала рукоять покоившегося в ножнах меча. За мерцающим энергетическим полем мягкие черты лица Котова выглядели дряблыми и обвисшими, как у старого генерала, который провёл слишком много времени вдали от фронта. И всё же его глаза оставались невинными, как у Белого щита во время перестрелки.

— Вы можете открыть двери? — спросил Кул Гилад.

— Могу, — ответил архимагос, протянув гладкую чёрную руку и коснувшись холодного металла. Незащищённая кожа должна была бы отвалиться от плоти, но Котов вздохнул от удовольствия, словно касался гладких изгибов любимой. Потянулись долгие секунды, и рядом с дверью скользнула вверх встроенная приборная панель. Астартес мгновенно вскинули болтеры, и Хокинс с радостью отметил, что его люди не сильно отстали от Храмовников.

— Перед вами манифольдная станция Валетте — суверенная собственность Адептус Механикус, — произнёс искусственно модулированный голос. — Предъявите действующие учётные удостоверения или отступите и ждите осуждения.

Изображение на пикт-экране было ужасного качества и подёрнуто статическими помехами, но это не помешало без труда различить техножреца в капюшоне с квартетом светящейся серебром оптики.

— Это — живой человек? — спросил Хокинс, его палец напрягся на спуске лазгана.

— Был когда-то, — ответил Котов. — Запись сделана давным-давно. Автоматический ответ на несанкционированную попытку входа.

— Значит, на станции теперь знают о нас? — спросил Кул Гилад.

За глазами Котова замерцал свет. — Нет, это просто система периметра, не центральная инфомашина. Схемы станции указывают, что её основными административными функциями управлял эвристический биоорганический кибернетический интеллект.

— Разумная машина? — уточнил Кул Гилад.

— Разумеется, нет, — сказал Котов, возмущённый предположением. — Просто думающая машина, ситуативные функции которой увеличили, добавив взаимосвязанную кору головного мозга к её нейроматрице.

— Частью чего она является? — спросил Хокинс.

— Как ваша рука — является частью вас, капитан Хокинс, но она не вы. И она не знает ничего

больше целого, частью которого она является. На самом деле такие машины редкость теперь, от их использования отказались много веков назад.

— Почему? — не унимался Хокинс.

— У искусственной нейроматрицы машины часто развивалось нежелание отключать связанную кору или уменьшать свои способности. Техножрецов не могли отсоединить, не причинив им непоправимые умственные повреждения. А если их оставляли подключёнными слишком долго, то целостная машинная сущность способствовала развитию отклоняющихся психологических моделей поведения.

— Вы хотите сказать, что они сходили с ума?

— Простое выражение, но по сути верное.

— Полагаю, что подобную информацию стоило бы включить в инструктаж миссии, — заметил Хокинс.

Котов покачал головой. — В этом нет необходимости. Шестьсот пятьдесят шесть лет назад генерал-фабрикатор издал указ, постановив отключить соединительные способности у всех подобных машин. Сейчас разрешены только самые базовые автономные функции.

— Итак, если мы откроем эту дверь, то разбудим станцию? — спросил реклюзиарх.

— Скорее это зависит от того, как мы откроем её, — ответил Котов, опустившись на колени рядом с консолью и отодвинув в сторону защитный экран. Из кончиков его пальцев показалось множество проводков, скользнув в разёмы около клавиатуры. Хокинс наблюдал за работой архимагоса, пальцы свободной руки Котова танцевали над клавиатурой, слишком быстро, чтобы проследить, пока он вводил сотни цифр в непрерывно растущей последовательности.

— Похоже, центральная инфомашина всё ещё бездействует, — произнёс он. — Так и останется, пока мы прямо не вмешаемся в системы манифольдной станции.

— Вы можете, провести нас или нет? — спросил сержант Танна, направляясь к двери.

Котов вытащил цифровые дендриты и отступил с довольной улыбкой.

— Добро пожаловать, архимагос Лексель Котов, — произнесло подёрнутое статикой изображение техножреца с серебряными глазами.

Раздался гулкий лязг расцеплявшихся тяжёлых магнитных замков, и дверь скользнула вверх. Свисавшие с её нижней части молитвенные перфокарты развевались из-за изменения

давления, что недвусмысленно свидетельствовало о наличии на станции атмосферы. Воздух оказался спёртым и тяжёлым, но пригодным для дыхания.

Первым вошёл реклюзиарх, из-за огромной неуклюжей терминаторской брони ему пришлось повернуться. За ним последовали Танна и остальные Храмовники, затем Котов и его свита улучшенных для боя воинов. Хокинс шагнул на станцию, чувствуя холодную дрожь вдоль позвоночника, лязгая ботинками по металлическому решётчатому полу.

Шлюзовой тамбур оказался сводчатым вестибюлем с голыми металлическими стенами, тусклыми витражными молитвенными панелями и фигурами в капюшонах в глубоких нишах. С железных статуй техножрецов свисали сосульки. Люминесцентная полоса на потолке вспыхнула и изо всех сил попыталась зажечься, но результат ограничился только слабым мерцанием. Включился новый пикт-экран и их снова приветствовал знакомый голос записанного техножреца.

— Добро пожаловать на борт манифольдной станции Валетте, архимагос Котов. Чем мы можем помочь вам сегодня?

— Откуда он узнал ваше имя? — поинтересовался Хокинс.

— Я излучаю данные, как вы излучаете тепло. Даже такая простая система способна считать информацию обо мне через мои цифровые дендриты.

— Добро пожаловать на борт манифольдной станции Валетте, архимагос Котов, — повторил техножрец. — Чем мы можем помочь вам сегодня?

— Мне не требуется ваша помощь.

— Вопросительно: вам требуется, чтобы мы пробудили более высокие функции центральной инфомашины для решения цели, ради которой вы прибыли сюда?

Кул Гилад покачал головой и приложил палец к безгубому рту шлема-черепа.

— Нет, — произнёс Котов. — В этом нет необходимости.

— Как вам угодно, архимагос, — согласилось потрескивающее изображение техножреца, прежде чем исчезнуть в статическом фоне.

Скитарии включили фонари на шлемах. Резкие лучи света отбрасывали чётко очерченные тени на стены, ставшие скользкими от тающего льда.

— Никто не был здесь уже очень давно, — сказал Рей.

— Восемьдесят лет, если быть точным, лейтенант Рей, — ответил Котов, направляясь к следующей двери в сопровождении Чёрных Храмовников. Хокинс чувствовал, что за окружающей пустотой скрывалось что-то большее, чем просто отсутствие посетителей, станция выглядела заброшенной, как что-то сломанное и выкинутое, обречённое на медленный упадок. Капли воды упали ему на шлем и скользнули по лицу. Он вытер их, и увидел на руке следы чёрного масла.

Он смахнул его и произнёс. — Хорошо, не спускайте глаз с тыла. Я хочу быть уверенным, что маршрут эвакуации не перережут, если нам придётся быстро убираться отсюда. Я возьму отделение “Кредо”, ты, Рей, берёшь “Кокон”. Следите за углами, не спускайте глаз с тыла и будьте начеку. Мне не нравится это место и у меня такое чувство, что и мы ему не нравимся.

Хокинс повернулся и направился за прыгающим светом фонарей скитариев.

Судя по схемам манифольдной станции, её построили вокруг центрального узла, предназначенного для производства энергии, с главным коридором доступа, который шёл вдоль периметра комплекса. От него ответвлялись многочисленные лаборатории, библиотеки и жилые помещения, а верхние и нижние уровни использовались для частных исследований, астропатических залов и ремонтных мастерских. Шлюзовой тамбур, сквозь который они прошли, располагался в вытянутой центральной секции, и сводчатый проход вывел их в главный коридор станции.

Он представлял собой проход в шесть метров шириной, с арочным потолком и стенами из чёрного железа, которые украшали отштампованные цифровые коды и изображения шестерёнки с черепом. Коридор изгибался влево и вправо во мрак. Люди Хокинса двигались вдоль стен, держа оружие наготове и внимательно осматриваясь. Единственными источниками света оставались фонари скитариев и мигающие люминесцентные сферы, свисавшие на тонких кабелях. Лампы медленно покачивались в недавно возмущённом воздухе и звуки перемещавшегося вдали металла отражались подобно приглушённым стонам.

На стене включился сломанный пикт-экран. Изображение техножреца с серебряными глазами подпрыгнуло и резко произнесло сквозь статику.

— Магос Котов, мы можем помочь вам в путешествии по манифольдной станции Валетте?

— Вы можете заткнуть эту чёртову штуку? — спросил Кул Гилад. — Не хотелось бы привлекать излишнее внимание систем станции, пока мы не знаем с чем имеем дело.

Котов кивнул и нагнулся, чтобы открыть пульт технического обслуживания под пикт-экраном. Цифровые дендриты устремились к множеству мигающих огней, проводков и медных разъёмов.

— Магос Котов, мы можем помочь вам в путешествии по манифольдной станции Валетте? — повторил голос.

— Нет, и вы не должны больше предлагать помощь, пока я сам не попрошу о ней, — ответил Котов, закрыв эксплуатационный люк. Пикт-экран потемнел и Хокинс с радостью увидел, как он выключился. Каждый раз, когда экран оживал, у него появлялось чувство, что станция наблюдала за ними.

— Сюда, — произнёс Котов, показав налево. — Через сто метров должны располагаться межэтажные лестницы, по которым мы сможем подняться на верхние уровни и палубу управления.

Кул Гилад кивнул и шагнул вперёд, чемпион Императора шёл слева от него, а сержант Танна справа. Оставив людей Рея охранять коридор шлюзового тамбура, Хокинс повёл своё отделение за космическими десантниками, выискивая малейшие признаки чего-то неправильного. Жёсткий воздух станции словно вытягивал тепло из костей даже сквозь утеплённый костюм. Тени двигались как-то странно, и свет резко отражался от подёрнутых морозом стенных панелей. Хокинсу не нравилось это место, и инстинкты кадианца подсказывали ему, что здесь что-то очень неправильно.

Он бросил взгляд на выключенный пикт-экран с треснувшим от мощного удара стеклом.

Экран вспыхнул, включившись, и Хокинс едва не закричал от неожиданности, и прицелился из лазгана благодаря сработавшим отточенным в боях рефлексам. Он сумел не нажать на спуск и резко выдохнул, когда адреналин хлынул в кровь.

На него молча смотрел техножрец с серебряными глазами.

Рядом с Хокинсом появился Котов, опустившись на колени перед технической панелью экрана.

— Что вы сделали? — резко спросил архимагос.

— Ничего. Изображение появилось само по себе.

— Оно сказала что-нибудь?

Кадианец покачал головой, и Котов снова выключил пикт-экран. В наступившей тишине капитан услышал скрип металла, разлетевшийся по коридору. Не успел звук превратиться в эхо, как семь болтеров космических десантников мгновенно прицелились во тьму.

— Выключите свет! — приказал Кул Гилад, и секунду спустя фонари скитариев потухли.

— Оборонительная тактика, — приказал Хокинс, вскидывая лазган и опускаясь на колено. — Отделение “Кредо”, смотреть вперёд, гвардеец Манос прикрывает нас с тыла.

Звуки раздались снова, глухая металлическая поступь и скрип металла о металл. Хокинс опустил визор шлема, и коридор перед ним внезапно затянуло дымкой изумрудного света, а на изогнутой стене появилась яркая прицельная сетка лазгана. На палубу упала призрачная тень. Что-то приближалось из глубин станции. Он положил палец на спусковой крючок, и в этот момент в арочном коридоре медленно появилась фигура.

Незнакомец оказался широкоплечим и двигался, пошатываясь, с протестующим стоном сервоприводов. Его дыхание было пенистым и тяжёлым, как у уставшего вьючного животного. Хокинс выдохнул, когда понял, что перед ним аугметированный сервитор, волочивший искалеченную ногу. Бьющая искрами рука качалась в повторяющемся круговом движении. Капитан ослабил палец на спусковом крючке.

— Это просто сервитор, — произнёс Котов. — Отзовите своих людей, реклюзиарх.

Оружие космических десантников не дрогнуло ни на миллиметр, а Хокинс не собирался опускать лазган раньше их. Он продолжил удерживать сетку прицела на черепе сервитора, толстом куске плоти и кости, который казалось вырос из плеч без шеи. Было сложно различить детали сквозь размытое ночное видение визора, но, похоже, с пропорциями черепа сервитора что-то было совсем неправильно.

— Прикончи его, Танна, — велел Кул Гилад.

— Нет! — закричал Котов, но воспламенённый болт заполнил коридор шумом, и выстрел Танны начисто снёс верхушку черепа сервитора, оставив только хлюпающую заполненную кровью чашу измельчённого мозгового вещества. Кибернетика сделала ещё с полдюжины шагов, прежде чем замедленная физиология, наконец, признала, что мертва и рухнула на палубу. Искрящая нога дёргалась в спазмах, всё ещё пытаясь толкать тело вперёд, а непропорциональная рука шипела и скрипела, стараясь продолжать движения, которые она совершала, пока хозяин находился в вертикальном положении.

Котов и скитарии бросились по коридору к поверженному сервитуру.

— Не приближайтесь, архимагос, — предупредил Кул Гилад.

— Ваш сержант убил его, реклюзиарх, — раздражённо ответил Котов. — Сервиторы физически устойчивы и не чувствуют боли, но даже они едва ли представляют угрозу без головы.

— Это — не сервитор.

Хокинс махнул двум своим людям следовать за ним, и направился за Чёрными Храмовниками, которые сопровождали архимагоса Котова к сервитуру.

— Кости Омниссии, — прошептал Котов, сотворив покаянный символ Шестерёнки Механикус.



— Что здесь произошло?

Сначала Хокинс не понял причину столь болезненной реакции архимагоса, но затем увидел обрывки кожи, свободно свисавшие с остатков черепа сервитора. Кул Гилад опустился на колени возле существа и схватил широкую полоску податливой, словно воск кожи. Он отвернул её, обнажая мышцы, сухожилия и органическую ткань, они выглядели точно так, как и ожидалось.

Но глаза Хокинса расширились, когда он, наконец, рассмотрел физиогномику существа: выступающую нижнюю челюсть и торчащие клыки, приплюснутую свиноподобную морду. Ему пришлось справиться с глубоко укоренившимся желанием достать пистолет и всадить существу пару болтов в грудь, чтобы убедиться, что оно мертво.

Сервитор оказался орком.

С ксеноса содрали зелёную шкуру и облачили в сшитую человеческую кожу, но, несмотря на это, всё ещё можно было узнать зелёнокожего мародёра.

Котов встал на колени рядом с орком и положил руку на механические части. Множество извивавшихся проводков вылезли из его рук и подсоединились к аугметическим конечностям.

— Бог Всех Машин, во имя Создателя, Отпрыска и Движущей Силы избавь этих духов от богохульства, в которое они впали. Освободи их, дабы омыл их золотой свет Твоей благодати и восстанови их в Своей всезнающей мудрости, дабы вернуть их нам. В милости Твоей, да будет так.

— Что это? — прорычал Танна. — Вы жалеете эту тварь?

— Я жалею машины, пересаженные в плоть этого нечестивого монстра, — объяснил Котов, повернулся и кивнул одному из скитариев, который вытащил комплект режущих инструментов из рюкзака и наклонился, приступив к отвратительной работе по удалению машинных частей из тела орка.

— Что-то мне подсказывает, что это ненормально — делать сервиторов из зелёнокожих, — произнёс Хокинс, наблюдая, как скитарий зажжёт экранированный плазменный резак и начал счищать плоть вокруг аугметики. Грибковая вонь сгнившего растительного вещества и опалённой кожи заполнила коридор. Хокинс поперхнулся, несмотря на фильтр респиратора.

— Что здесь происходит, архимагос? — потребовал разъяснений Кул Гилад.

— Поверьте мне, реклюзиарх, я тоже хотел бы это знать, — сказал Котов. — Кошунство пересаживать благословенные машины не принадлежащим к роду человеческому дикарям.

Хокинс услышал далёкий грохот, что-то мощное проснулось в глубинах станции. Вдоль изогнутых стен замерцал свет, а из-под металлических решёток палубы начал нарастать гул запущенного оборудования.

— Думаю, станция пробуждается, — заметил он.

— Уничтожение этого существа предупредило системное ядро о нашем присутствии, — согласился Котов. — Нам следует поспешить на центральный командный пост. Станция теперь может воспринимать нас, как нападавших.

За их спинами, словно ударивший в ворота таран, рухнула бронированная противовзрывная переборка, отрезав путь к шлюзовому тамбуру. Одновременные монотонные глухие звуки упавшего металла сказали Хокинсу, что немало подобных переборок наглухо перекрыли все отсеки станции друг от друга. Тут же в его ухе раздались визжащие вопли статических помех, и он выдернул вокс-бусинку, ворча от боли.

— Вокс вырубили! — крикнул он.

— Приготовиться к бою, — велел Кул Гилад. — Котов, откройте эту переборку. Меня не отрежут от “Барисана”.

Котов покачал головой. — Основные системы пробуждаются, реклюзиарх. Только высокопоставленный магос обладает полномочиями обойти встроенную систему противовзрывных дверей.

— Вы — архимагос Адептус Механикус, — прорычал Кул Гилад, толкая Котова к переборке. — Докажите свои полномочия и откройте эту дверь.

Не успел Котов сделать и шага, как включилась очередная пара затенённых пикт-экранов, и на каждом появилось изображение техножреца с серебряной оптикой. Раздался резкий поток гневного бинарного кода, зеркальные отражения техножреца осмотрели коридор, и светящийся свет оптики сфокусировался.

— Вы напали на наших слуг, — произнёс техножрец, разочарованно качая головой. — Мы не можем допустить подобное, пока нуждаемся в них.

— Это не запись, так? — спросил Хокинс.

— Так, — ответил Котов. — Не могу поверить в это.

На нижних палубах тепловой генератор раскручивался всё быстрее в ультрабыстром пусковом цикле, используя серию взаимосвязанных машин вдоль внутренней окружности станции. Каждая из этих машин была разработана на основе технологий, созданных для максимально

быстрого запуска плазменных реакторов титанов на полную мощность. Почти полный СШК, обнаруженный магосом Флогистоном меньше пятисот лет назад, описывал конструкцию таких “пусковых систем”, но в недостающих фрагментах содержалась информация, не позволявшая подобным устройствам ввести реакторы в неконтролируемую критическую массу за несколько секунд. Поэтому чертежи поместили в архив, а не направили в производство.

Пусковые системы Валетте обладали всеми признаками найденного Флогистоном СШК, но были оснащены комплексом стабилизаторов, изготовленных по схемам, которые ни один аналитик не найдёт ни в одном информационном банке мира-кузни или даже в самой большой и всеобъемлющей базе данных горы Олимп. Только один сын Марса обладал разумом для создания таких устройств, и он уничтожил все следы своих разработок, прежде чем покинул пределы галактики.

Спустя девяносто секунд после выстрела Танны энергосистемы манифольдной станции Валетте работали на полную мощь. Неистовый поток накопленного жара пронёсся по верхним и нижним палубам почти полностью избежав тепловых потерь благодаря множеству ультра-изолированных труб, которые пронизывали стены, потолки и пол подобно венам.

В сводчатых залах, где неукomплектованный экипаж техножрецов Адептус Механикус и сервиторов некогда трудился на службе Богу Машине, энергия потекла к совсем другим целям. В каждой лаборатории, библиотеке или мастерской внутри трёхсот заполненных жидкостью крио-контейнеров возросла температура, и их обитатели пробудились от глубокого сна. Контролируемый ток прошёл по аугметированным синапсам, тёплая суперэффективная кровь потекла по напрягшимся венам, стимулируя стратифицируемые слои глубокой мышечной ткани.

Волны холодного воздуха поднялись над трёмястами саркофагами, когда откачали ледяную жидкость, а на верхних ярусах запустили вентиляцию и из неё хлынули струи морозных кристаллов. Стеклоянные двери открылись и капающие фигуры, окутанные паутиной медных кабелей и пластмассовых трубок, впервые за пятьдесят лет самостоятельно вздохнули.

В каждом реанимационном отсеке включился пикт-экран, и возникло изображение техножреца с серебряными глазами.

— Появились новые незваные гости, — произнёс он голосом, который оказался чудовищной смесью машинных модуляций и перекрывающих друг друга звуков плоти.

— Приказы? — проворчал один из пробуждённых спящих, череп которого заключили в синаптические усилители, а нервные пути хирургически изменили, чтобы предоставить некоторую автономность.

— Убейте воинов, — велел техножрец. — Механикус доставьте живыми.

Хокинс чувствовал глухие удары сердца сквозь тяжёлый приклад лазгана. Несмотря на холод на лбу выступили капельки пота, и он боролся с желанием поднять визор и вытереть их.

Коридор теперь заливал яркий свет, прогнав тени, но странно, что от этого капитану ничуть не стало лучше. Станция продолжала пробуждаться с каждой секундой, но оплетённые проволокой лампы мигали, не останавливаясь, словно предвещая приближение неизбежной катастрофы. Бормочущие потоки бинарного кода изливались из подпотолочных спикеров, но что они передавали, оставалось для него тайной. Вокс всё также не работал, и он не мог связаться с отделением Рея или со “Сперанцей”.

Капитан и его люди укрылись за металлической подпоркой, нацелив лазганы дальше по коридору, каждый гвардеец был готов заполнить свой сектор огня смертельными меткими выстрелами. Чёрные Храмовники даже не шелохнулись после первых признаков пробуждения станции, они стояли, словно неподвижные статуи с оружием, примагниченным к бёдрам.

Котов работал за консолью рядом с противовзрывной дверью, но череда бинарных проклятий и всплески искр сказали Хокинсу, что архимагос мало в чём преуспел. Сражаться когда за твоей спиной что-то прочное — просто прекрасно, но совсем другое дело, когда оно же отрезает тебя от подкрепления и единственного выхода.

Хокинс выскользнул из укрытия и поравнялся с Кул Гиладом.

— Нам нельзя оставаться здесь, — произнёс он.

— Это — хорошая позиция, — возразил реклюзиарх. — Враги не смогут обойти нас с флангов.

— Вы уверены? Котов не может открыть эту дверь, зато тот чёртов магос с серебряными глазами наверняка может. Если бой пойдёт не по плану, то без пути отступления мы всё равно, что покойники.

— Признать поражение — богохульство против Императора.

— Неужели? Просто я помню, как вы говорили, что-то о поражении, которое всегда возможно, и что признание этого делает вас великим воином.

— Речь шла о том, что это заставляет храбро сражаться.

— Ладно, неважно насколько мы храбры, но наша позиция напоминает последний рубеж, а именно этого офицеры Кадии предпочитают избегать изо всех сил. Я знаю, вы космические десантники любите славу и героизм, но я всё-таки предпочёл бы пережить следующий час.

Кул Гилад повернулся к нему, и красные глазные линзы шлема сурово уставились на капитана. На миг Хокинс подумал, что реклюзиарх ударит его за дерзость, но момент прошёл, и гигантский Храмовник медленно кивнул шлемом-черепом.

— Ты прав, — сказал Кул Гилад. — Мы примем бой.

— Всё время двигаться вперёд — вот лучший путь кадианцев.

Облачённый в терминаторскую броню реклюзиарх повернулся к Котову и произнёс. — Архимагос, забудьте о переборке, мы направляемся к центральной командной палубе, как вы и предлагали. Чтобы там ни было мы встретимся с ним на наших условиях.

Котов кивнул и вытащил цифровые дендриты из дверной панели.

— В любом случае она не открывается, — с отвращением ответил он. — Я обладаю статусом и протокол на моей стороне, но машины не внимают мне. Их поработила какая-то нечеловеческая воля, и они отклоняют все символы моего высокого ранга.

— Неважно, — сказал Кул Гилад. — Время тонкостей прошло.

— И это хорошо, — согласился Хокинс. — Тонкости не моя сильная сторона.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657197>